

Вопросы участия медиатора при нотариальном удостоверении медиативного соглашения*

АКТУАЛЬНОЕ МНЕНИЕ

В статье исследуется специфика удостоверения медиативного соглашения с точки зрения обязательного участия в нотариальной процедуре медиатора, не являющегося стороной данного соглашения; автор, в частности, характеризует формы такого участия (дифференцируемые, прежде всего, с учетом различного порядка выбора и назначения посредника), систематизирует и раскрывает требования, предъявляемые к медиаторам, уделяя особое внимание сложному вопросу о пределах соответствующей нотариальной проверки.

Ключевые слова: нотариальное удостоверение сделки, медиативное соглашение, медиатор, организация, осуществляющая деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации.

The article examines the specifics of the mediation agreement notarization in aspect of mandatory participation in the notarial procedure of a mediator who is not a party to this agreement; the author in particular characterizes the forms of such participation (differentiated, first of all, taking into account the different order of choice and appointment of a mediator), systematizes and discloses the requirements for mediators, paying particular attention to the difficult issue of the scope of the corresponding notarial verification.

Keywords: notarization of a transaction, mediation agreement, mediator, an organization engaged in ensuring the implementation of the mediation procedure.

* ISSUES OF THE MEDIATOR'S PARTICIPATION IN THE NOTARIAL CERTIFICATION OF A MEDIATION AGREEMENT

Povarov Yuriy S.
Associate Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law of the Samara National Research University
PhD (Law), Associate Professor

Заметным и значимым шагом законодателя, призванным способствовать популяризации и повышению эффективности урегулирования споров посредством процедуры медиации, которая «направлена на поиск взаимных интересов сторон» (в отличие от судебного разбирательства, где, как резонно замечает В.С. Каменков, «чаще работает формула „выигрыш-проигрыш“»)¹, стало дополнение Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»² (далее — Закон № 193-ФЗ) нормой, в соответствии с которой медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате «внесудебной» процедуры медиации (т.е. проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда)³, в случае его нотариального удостоверения приобретает силу исполнительного документа⁴ (ч. 5 ст. 12 Закона № 193-ФЗ); параллельно Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1⁵ (далее — Основы законодательства о нотариате) «обогатились» ст. 59.1, устанавливающей правила удостоверения медиативного соглашения.

Итак, специальное законодательство о медиации априорно не «настаивает» на нотариальной форме (в п. 7 ст. 2 и ч. 1 ст. 12 Закона № 193-ФЗ заявляется о необходимости заключения медиативного соглашения в письменной форме)⁶. Между тем

¹ Каменков В.С. Медиативное соглашение: правовая природа и значение // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 64.

² Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с послед. изм. и доп.) // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

³ Вообще же, процедура медиации может быть использована при возникновении спора как до обращения в суд (третейский суд), так и после начала судебного (третейского) разбирательства (ч. 2 ст. 7 Закона № 193-ФЗ).

⁴ Мысль о насущной потребности в разработке механизма принудительного исполнения медиативного соглашения, в том числе посредством нотариальной «верификации», неоднократно озвучивалась специалистами. См., напр.: Бусыгина З.И., Фуртак А.А. Некоторые аспекты интеграции медиации в нотариальную практику // Нотариус. 2013. № 8. С. 3–4; Воронцов П.М. Некоторые причины непопулярности института медиации в Российской Федерации // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 63; Самсонов Н.В., Самсонов В.Н. Проблема исполнимости медиативных соглашений // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 2. С. 57–59.

⁵ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (с послед. изм. и доп.) // Ведомости СНД и Верховного Совета РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

⁶ Но, конечно, нельзя исключать того, что с учетом конкретного контента медиативного соглашения оно должно быть облечено в силу закона именно в нотариальную форму, на что не единожды обращалось внимание в литературе. См., в частности: Халецкая Т.М. Правовая природа медиативного соглашения и его существенные условия (по законодательству Республики Беларусь) // Управление социально-экономическими системами и правовые исследования: теория, методология и практика: материалы международной научно-практической конференции (г. Брянск, 13–14 марта 2017 г.): сб. науч.

в свете обозначенной корректировки нормативной базы появился дополнительный стимул для обращения к нотариусу. Разумеется, **квалифицированная письменная форма медиативного соглашения сориентирована** главным образом на случаи его заключения при проведении «внесудебной» медиации, ибо:

- медиативное соглашение, достигнутое в результате процедуры медиации, осуществленной *после передачи* спора на рассмотрение суда (третьей инстанции), может быть утверждено судом (третьей инстанции) в качестве *мирового соглашения* (ч. 3 ст. 12 Закона № 193-ФЗ), и наличие судебного контроля несколько «обесценивает» востребованность нотариальной «верификации»;

- медиативное же соглашение, достигнутое в рамках процедуры медиации, проведенной *без передачи* спора (возникшего из отношений гражданско-правовой природы) на рассмотрение суда (третьей инстанции), будучи гражданско-правовой сделкой⁷, в случае нотариального удостоверения имеет, повторимся, силу исполнительного документа⁸ (ч. 4, 5 ст. 12 Закона № 193-ФЗ).

Ключевая особенность удостоверения медиативного соглашения — участие посредника (ч. 2 ст. 59.1 Основ законодательства о нотариате), причем:

а) речь идет о **непреложности** (а не факультативности) вовлечения фигуры медиатора в круг лиц, причастных к нотариальной процедуре; объяснение данного концепта кроется в том, что наличие медиатора выступает, по верному утверждению В.А. Хохлова, «квалифицирующим признаком медиации»⁹ (сказанное совершенно не элиминирует возможности нотариального удостоверения достигнутого соглашения и без привлечения медиатора, но без придания договоренностям конфликтующих сторон характера именно медиативного соглашения со всеми вытекающими отсюда последствиями (акт не будет иметь силу исполнительного документа и пр.);

б) медиатор является «вспомогательным» участником именно обсуждаемой **нотариальной процедуры** (в ч. 4 ст. 59.1 Основ законодательства

о нотариате упоминается об участии *при* удостоверении соглашения), а не **медиативного соглашения** (поэтому, кстати, медиатор не может быть заявителем — инициатором совершения анализируемого нотариального действия, не является он и адресатом разъяснительной деятельности нотариуса касаясь смысла и значения проекта сделки (ст. 54 Основ законодательства о нотариате)). В принципе, такое положение вещей вполне понятно, ведь медиатор, сохраняя «нейтралитет», лишь *содействует* урегулированию спора, выступая независимым и беспристрастным *посредником*¹⁰ (п. 2 и 3 ст. 2, ст. 3 Закона № 193-ФЗ).

Раскрывая (правда, довольно «пунктирно») обсуждаемый субъектный ракурс, Основы законодательства о нотариате оговаривают **три возможные вариации участия** (при этом ситуативное использование одной из них предопределяется, само собой, не усмотрением нотариуса, а условиями соглашения сторон о проведении процедуры медиации¹¹): удостоверение может производиться с участием, во-первых, **медиатора** (независимого *физического* лица, привлеченного сторонами в качестве посредника в урегулировании спора), во-вторых, **нескольких медиаторов** и, в-третьих, **медиатора — представителя организации**, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации (ч. 2 ст. 59.1).

Первый и второй «сценарии», различающиеся по количественному критерию (напомним, что в соответствии с ч. 1 ст. 9 Закона № 193-ФЗ стороны могут выбрать как одного, так и нескольких медиаторов), рассчитаны на случаи определения посредника (посредников) непосредственно конфликтующими сторонами, без обращения к помощи организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации (далее — организация по ОППМ). Наличие же третьей вариации, по-видимому, сопряжено с возможностью надления лица функциями медиатора с помощью такой организации (ч. 2 ст. 9 Закона № 193-ФЗ) — либо по ее *рекомендации* (но тем не менее соглашением участников спора!), либо в порядке прямого *назначения* собственно организацией по ОППМ (когда роль соглашения о проведении процедуры медиации состоит в «санкционировании» данного алгоритма персонализации посредника).

Для ситуации закрепления соглашением сторон о проведении процедуры медиации участия

ст. / отв. ред. Н.В. Фомин. Брянск : Изд-во Брянского гос. ун-та имени акад. И.Г. Петровского, 2017. Т. 2. С. 321–322; Яковлева А.Н. О соответствии формы медиативного соглашения гражданскому законодательству // Юрист. 2015. № 24. С. 39–40.

⁷ Здесь имеет место, если угодно, усложнение сущностной квалификации соглашения (гражданско-правовая сделка и медиативное соглашение), и в этом контексте оно может быть рассмотрено в качестве «атипичного правореализационного акта». См.: Кивленок Т.В. Проблема атипичности соглашений, заключаемых в процедуре медиации // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 4 (45). С. 71, 74.

⁸ Поэтому, кстати, необъяснимым оказывается неприведение законодателем корректировки предписаний ч. 2 ст. 12 Закона № 193-ФЗ касаясь исполнения медиативного соглашения исключительно на основе принципов **добровольности и добросовестности** сторон.

⁹ Хохлов В.А. Правовая квалификация отношений медиации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5.

¹⁰ При этом он, помимо прочего, не вправе быть представителем какой-либо стороны (ч. 6 ст. 15 Закона № 193-ФЗ). Кроме того, симптоматично, что по общему правилу (пока стороны не договорились об ином) медиатор даже неправомерен вносить предложения об урегулировании спора (ч. 5 ст. 11 Закона № 193-ФЗ).

¹¹ Названное соглашение не следует путать с соглашением о применении процедуры медиации, корневую юридическую роль играет не оно, а именно соглашение о проведении процедуры медиации, в частности, с момента его заключения и начинает применяться процедура урегулирования спора (п. 5 и 6 ст. 2, ч. 1 ст. 4, ч. 1 и 4 ст. 7 Закона № 193-ФЗ).

нескольких медиаторов предусмотрено специальное правило, исходя из которого императивным становится участие при нотариальном удостоверении «не менее чем одного медиатора, осуществлявшего деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации» (ч. 3 ст. 59.1 Основ законодательства о нотариате). Таким образом, безотносительно к количеству медиаторов участия даже одного из них достаточно для легитимного осуществления нотариусом удостоверительного «сервиса», но при этом, конечно, имеется в виду не любой медиатор, а только тот, кто непосредственно «модерировал» примирительную процедуру (вопрос же о том, кто и по каким основаниям осуществляет «выбор» медиатора для целей участия при удостоверении, является юридически irrelevantным).

Исследуемая «триада» схем участия, в целом хотя и корреспондирующая указаниям ст. 8 Закона № 193-ФЗ (относительно обязательной фиксации в соглашении о проведении процедуры медиации сведений о медиаторе, медиаторах или об организации по ОППМ), видится небезупречной (недостаточно скоординированной), поскольку:

а) не ясным остается момент квалификации (просто медиатор либо медиатор — представитель организации по ОППМ) в случае выбора медиатора по рекомендации организации по ОППМ (наблюдается смысловое «пересечение» разбираемых вариантов участия);

б) сомнительной полагаем рациональность обозначения медиатора как *представителя* организации по ОППМ (что предполагает его наделение соответствующими полномочиями, наверное, по правилам главы 10 ГК РФ): юридически важным, на наш взгляд, должно являться не столько наличие у посредника представительских полномочий, сколько соблюдение порядка его выбора (назначения).

Заодно уместно отметить, что затруднения на практике возникают и в части подтверждения конкретной организацией своей принадлежности к организациям по ОППМ. Дело в том, что к последним п. 4 ст. 2 Закона № 193-ФЗ относит всякое юридическое лицо (вне зависимости от организационно-правовой формы), одним из *основных* видов деятельности которого выступает деятельность по организации проведения процедуры медиации. Однако не совсем понятным оказывается ответ на вопрос о способах установления данного обстоятельства, в частности, с точки зрения необходимости соответствующей уставной регламентации (тем более что учредительный документ организаций с общей правоспособностью, каковыми в большинстве своем являются коммерческие структуры, может и не содержать сведения о целях, предмете и видах деятельности). Минэкономразвития России, как известно, занял «мягкую» позицию, в соответствии с которой у коммерческой (в отличие от некоммерческой) организации обязанность отразить в уставе рассматриваемый вид деятельности возникает, только если это прямо предусмотрено

законом для юридических лиц соответствующего вида (см. разъяснения от 27.05.2011 «Позиция Минэкономразвития России по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ „Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)“»¹²); между тем при такой трактовке четкое выявление соответствия коммерческой организации признакам организации по ОППМ иногда может стать весьма проблематичным.

Требования к медиаторам (ст. 15, 16 Закона № 193-ФЗ), опираясь на признаки их «субъектного универсализма» и источника закрепления, позволено разложить на три группы.

Во-первых, существует целый ряд *общих законодательных запретов* и ограничений на осуществление посредничества (замещение государственных должностей, наличие родственных отношений с лицом, являющимся одной из сторон спора, и др.), которые оправданно рассматривать как «факторы, влияющие на медиабельность споров»¹³.

Во-вторых, некоторые характеристики, прямо *предусмотренные Законом* № 193-ФЗ, поставлены в зависимость от того, на какой, профессиональной или непрофессиональной, основе реализуется деятельность медиатора:

а) для *«непрофессионалов»* требования довольно скудны и просты — достижение медиатором *возраста совершеннолетия*, обладание *полной дееспособностью* и *отсутствие судимости* (причем безотносительно к виду преступления и форме вины);

б) при осуществлении посреднической деятельности *на профессиональной основе* речь уже идет о минимальном возрастном пороге в *25 лет*, наличии *высшего образования* (любого, а не только юридического) и получении *дополнительного профессионального образования* по вопросам применения процедуры медиации (к сожалению, без какой-либо расшифровки относительно субъекта осуществления образовательной деятельности, параметров соответствующего образовательного стандарта и т.д.).

Кроме того, медиаторами-«профессионалами» могут быть *судьи, пребывающие в отставке* (их списки ведутся советами судей субъектов РФ). Из системного толкования предписаний ч. 1, 1.1 ст. 16 Закона № 193-ФЗ (принимая во внимание в числе прочего оговорку в ч. 1.1 ст. 16 «также»), думается, вытекает, что статус судьи в отставке служит достаточной предпосылкой для выступления

¹² Разъяснения от 27 мая 2011 г. «Позиция Минэкономразвития России по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ „Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)“» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Попова Ю.А., Илюшников Д.С. Основные формы применения медиации: досудебная и судебная // Власть Закона. 2016. № 4. С. 55.

на профессиональной основе в роли медиатора (в частности, данному субъекту не требуется получать дополнительное профессиональное образование).

Более сложным оказывается интерпретационный момент сопряжения законоположений о требованиях к «профессиональным» и «непрофессиональным» медиаторам в ракурсе такого условия, как отсутствие судимости. С одной стороны, при буквальном прочтении правил ч. 2 ст. 15 и ч. 1 ст. 16 Закона № 193-ФЗ можно сделать вывод о том, что анализируемое требование приложимо лишь к посредникам-«непрофессионалам». С другой стороны, нельзя не признать такое постулирование несколько странным — вряд ли законодатель подразумевал возможность профессионального (!) осуществления медиации лицом с судимостью, небеспошвенно отвергает его и Минэкономразвития России, по мнению которого (отраженному в упоминавшихся разъяснениях от 27.05.2011), специальные требования к медиаторам-«профессионалам» носят *дополнительный* характер, а потому отсутствие судимости надлежит считать общим условием осуществления деятельности медиатора.

Также акцентируем внимание на продолжающейся полемике по поводу целесообразности ужесточения требований к медиаторам. Бесспорно, что «деятельность медиатора протекает по большей части в сфере межличностных отношений и подчинена во многом законам психологии... Тем не менее, — как справедливо заключают А.С. Архипкина и А.И. Бабитинская, — медиация должна осуществляться в рамках правового поля»¹⁴, что, в свою очередь, предполагает юридическую «подкованность» медиатора. Вследствие этого частотными являются высказывания в пользу введения требования о наличии у любого медиатора высшего *юридического* образования (к примеру, П.М. Воронцов решительно критикует существующий подход законодателя, который, по сути, «отдал медиацию на откуп специалистам в области психологии, конфликтологии, экономики, социологии — каких угодно областях, но только не юриспруденции»¹⁵; М.А. Волкова и А.Л. Шиловская, аргументируя необходимость получения медиатором высшего юридического образования и, сверх того, внедрения принципа обязательного членства медиаторов в саморегулируемых организациях, вообще предлагают исключить из Закона № 193-ФЗ положения о «непрофессиональных» медиаторах¹⁶).

Важно иметь в виду, что *внесудебная медиация* (с которой и придется в основном сталкиваться нотариусу) *может проводиться медиаторами,*

осуществляющими свою деятельность и на профессиональной, и непрофессиональной основе, тогда как судебная медиация должна «курироваться» исключительно медиаторами-«профессионалами» (см. ч. 3 ст. 16 Закона № 193-ФЗ).

Наконец, в-третьих, *в формате децентрализованной регламентации* — соглашением сторон спора, а равно правилами проведения процедуры медиации, утвержденными организацией по ОППМ, — могут быть предусмотрены *дополнительные требования* к медиатору (наличие юридического стажа и т.п.).

В силу ч. 1 ст. 12 Закона № 193-ФЗ медиативное соглашение должно включать *сведения о медиаторе*. В условиях отсутствия какого-либо нормативного нюансирования объема данной информации и *пределов проверочной деятельности нотариуса* логичным кажется выяснение им (в дополнение, естественно, к установлению личности посредника) по меньшей мере:

а) соблюдения *порядка выбора или назначения медиатора* (через изучение условий соглашения о проведении процедуры медиации, а в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 9 Закона № 193-ФЗ, также с учетом содержания индивидуальных и локальных актов, исходящих от организации по ОППМ¹⁷).

Здесь стоит учитывать, что между сторонами спора и медиатором, конечно, складываются определенные правоотношения. Однако «законодатель дистанцировался от определения правовой природы... отношений, и в тексте Закона фактически нет норм, их регулирующих» (но определено «характер актов медиатора вполне соответствует направленности и существу... оказания услуг»¹⁸). Несмотря на это, для целей нотариального удостоверения медиативного соглашения в истребовании каких-либо актов с одновременным участием медиатора и спорящих сторон нет нужды (надлежащий статус медиатора для третьих лиц детерминирован соблюдением порядка выбора или назначения медиатора, а законодатель не причисляет к обязательным компонентам данного порядка заключение подобного рода многосторонних соглашений¹⁹);

б) характера на *профессиональной либо непрофессиональной основе* осуществления медиатором деятельности (памятуя о неидентичности предъявляемых к медиаторам требований исходя из указанного фактора), учитывая, что в настоящее время законодатель не приурочивает «профессио-

¹⁷ Так, правила проведения процедуры медиации, утверждаемые организацией по ОППМ, должны устанавливать порядок выбора или назначения медиаторов (п. 2 ч. 3 ст. 11 Закона № 193-ФЗ).

¹⁸ Хохлов В.А. Указ. соч.

¹⁹ Это не исключает правомерности суждения о том, что «процесс „привлечения“ медиатора должен быть надлежащим образом оформлен... путем заключения обеими сторонами непосредственно с ним (медиатором. — Ю.П.) гражданско-правового соглашения». См.: Михайлова Е.В. Медиативное соглашение: некоторые проблемы понимания и законодательного регулирования // Вектор науки ТГУ. 2011. № 3 (17). С. 288.

¹⁴ Архипкина А.С., Бабитинская А.И. Медиативное соглашение как гражданско-правовая сделка: проблемы действительности // Сибирский юридический вестник. 2011. № 2 (53). С. 64.

¹⁵ Воронцов П.М. Указ. соч. С. 64.

¹⁶ Волкова М.А., Шиловская А.Л. К вопросу о правовом статусе отдельных участников отношений по медиации // Современное право. 2019. № 3. С. 97–98.

нальный статус» к обязательному членству в саморегулируемой организации и (или) нахождению в правовых отношениях с организацией по ОППМ, констатация рассматриваемого обстоятельства, по сути, производится со слов медиатора;

в) выполнения **явных требований к медиатору** (достижение возраста, наличие высшего образования и др.).

Разбираемое участие посредника в процессе нотариального удостоверения нуждается в **обязательной документальной фиксации**. Нормируя данный организационно-формальный аспект, ч. 4 ст. 59.1 Основ законодательства о нотариате определяет, что:

1) соответствующее подтверждение надлежит отразить непосредственно **в медиативном соглашении**;

2) **содержательно** оно сводится к включению в медиативное соглашение двух дополнительных «опций» — собственно *сведений об участии* ме-

диатора (медиаторов) при удостоверении сделки и его (их) *подписи* (подписей).

Особо подчеркнем, что означенные сведения *об участии* вовсе не тождественны сведениям *о медиаторе*, которые, повторимся, также должны содержать медиативное соглашение: задача закрепления информации об участии — подтверждение факта «вовлечения» медиатора именно в *нотариальную* процедуру, производимое наряду с фиксацией данных о проведении медиатором (с отражением сведений о нем) *примирительной* процедуры.

Поваров Юрий Сергеевич,
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права
Самарского государственного исследовательского
университета имени академика С.П. Королева,
кандидат юридических наук, доцент
cl-su@mail.ru

Литература

1. Архипкина А.С. Медиативное соглашение как гражданско-правовая сделка: проблемы действительности / А.С. Архипкина, А.И. Бабитинская // Сибирский юридический вестник. 2011. № 2 (53). С. 64–70.
2. Бусыгина З.И. Некоторые аспекты интеграции медиации в нотариальную практику / З.И. Бусыгина, А.А. Фуртак // Нотариус. 2013. № 8. С. 2–4.
3. Волкова М.А. К вопросу о правовом статусе отдельных участников отношений по медиации / М.А. Волкова, А.А. Шиловская // Современное право. 2019. № 3. С. 96–99.
4. Воронежский П.М. Некоторые причины непопулярности института медиации в Российской Федерации / П.М. Воронежский // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 62–65.
5. Каменков В.С. Медиативное соглашение: правовая природа и значение / В.С. Каменков // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 59–66.
6. Кивленок Т.В. Проблема атипичности соглашений, заключаемых в процедуре медиации / Т.В. Кивленок // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 4 (45). С. 71–74.
7. Михайлова Е.В. Медиативное соглашение: некоторые проблемы понимания и законодательного регулирования / Е.В. Михайлова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 3 (17). С. 286–288.
8. Попова Ю.А. Основные формы применения медиации: досудебная и судебная / Ю.А. Попова, Д.С. Илюшников // Власть Закона. 2016. № 4. С. 46–57.
9. Самсонов Н.В. Проблема исполнимости медиативных соглашений / Н.В. Самсонов, В.Н. Самсонов // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 2. С. 55–59.
10. Халецкая Т.М. Правовая природа медиативного соглашения и его существенные условия (по законодательству Республики Беларусь) / Т.М. Халецкая // Управление социально-экономическими системами и правовые исследования: теория, методология и практика : материалы международной научно-практической конференции (г. Брянск, 13–14 марта 2017 г.). Т. 2 : сборник научных статей / ответственный редактор Н.В. Фомин. Брянск : Изд-во Брянского гос. ун-та имени акад. И.Г. Петровского, 2017. С. 315–323.
11. Хохлов В.А. Правовая квалификация отношений медиации / В.А. Хохлов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 84–90.
12. Яковлева А.Н. О соответствии формы медиативного соглашения гражданскому законодательству / А.Н. Яковлева // Юрист. 2015. № 24. С. 38–40.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru.